

ИДЕИ И ОБРАЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. АЛДАНОВА: ОПЫТ РАСКОЛЬНИКОВА

Изучается восприятие мировоззрения и художественных образов Ф.М. Достоевского в творчестве М.А. Алданова. Особое внимание уделяется характеристике мыслей и поступков Раскольникова, а также делается акцент на отношении Алданова к судьбе идеологии "Преступления и наказания".

Ключевые слова: литература русского зарубежья, рецепция Ф.М. Достоевского, творчество М.А. Алданова.

V.V. Shadursky

F.M. DOSTOYEVSKY'S IDEAS AND IMAGES IN M.A. ALDANOV'S WORK: RASKOLNIKOV'S EXPERIENCE

The author researches the perception of F.M. Dostoevsky's opinions and artistic images in M.A. Aldanov's creativity. The special attention is focused on the characterization of Raskolnikov's thoughts and his actions. Besides, the emphasis is placed on Aldanov's attitude to the destiny of ideology of "Crime and Punishment".

Key words: the Russian foreign literature, the reception of Dostoevsky, the creativity of M.A. Aldanov.

Характеризуя рецепцию Достоевского в творчестве Алданова, необходимо отметить, что самой обстоятельной публикацией по этой теме является работа В.А. Туниманова [16, с. 236-271]. Наиболее смелыми следует признать работы Ж.Тассис [14, 15], в которых утверждается, что Алданов "исправил" "Преступление и наказание" в двух собственных романах ("Ключе" и "Начале конца"), "внес поправки к портрету главного персонажа этого романа" [15, с. 147]. Но естественно, что одними этими публикациями проблема восприятия наследия Достоевского в творчестве Алданова не может быть ограничена. Разумеется, в притяжении Алданова к "черному бриллианту" русской литературы и в отталкивании от него все еще остаются неизученные нюансы.

Исследователями определено, что Алданов внимательно изучал биографию Достоевского, и припоминание фактов его жизни в публицистике, очерках, рассказах и романах Алданова - обычное дело. В 1920-е годы, когда Алданов был уже автором известной книги о Л. Толстом, он, по-видимому, поверил в свои силы и возможность написания труда о Достоевском [1, с. 275]. Но одной веры оказалось слишком мало.

Характеризуя алдановский замысел создания биографии Достоевского в 1929 г., В.А. Туниманов предположил, что Алданов просто "не смог найти "ключа" к личности Достоевского" и потому "отступил перед задачей, оказавшейся непомерной" [16, с. 237]. Более того, Ж.Тассис категорично заключает, что Алдановым "Достоевский не был оценен ни как человек или мыслитель, ни во многом как писатель", что философия Достоевского воспринималась им как "насквозь ложная" [14, с. 382, 385].

Алданов формировал свое мнение на основе документов, свидетельств очевидцев, воспоминаний, и всякий раз отмечал то, что непреложно, что требует проверки, а что идет от его собственной оценки. В публицистической работе 1918 г. "Армагеддон" он впервые использует творчество Достоевского как полигон для своих пространных высказываний. Мысли Алданова, выстроенные на основе ассоциаций с идеями, героями Достоевского, разнообразны. Так, рас-

суждая о войне, "первым русским пораженцем или, вернее, первым теоретиком русского поражения" [5, с. 93] он называет Смердякова. Заметим, что слово "достоевщина", которая противниками творчества писателя используется, в основном, в отрицательном значении, у Алданова наделяется отличительным качеством, но не оценкой. Он пишет: "Этот человек, не имевший ни малейшего представления о политике, был в своей области, в области "достоевщины", подлинный русский пророк, провидец безмерной глубины и силы необычайной. Октябрьская революция без него непонятна; но без проекции на нынешние события непонятен до конца и он, черный бриллиант русской литературы" [5, с. 97]. Благодаря Достоевскому постижение революции как явления находится не только в политических, но и психологических, моральных координатах. Алданов с горечью писал о том, как ошибался Достоевский. Обращаясь к "Братьям Карамзовым", он пишет о речи прокурора Ипполита Кирилловича, которая венчается мыслью, что "роковая тройка наша" будет остановлена другими народами, ужаснувшимися ее [5, с. 99]. Действительно, Европа смогла обуздать шальную тройку, но ее гуманизм заставил принести в жертву Россию. И если в первом случае Достоевский ошибался, то все же, предчувствуя высокую жертвенную роль России, во втором случае он оказался прав. Однако это уже суд над алдановским текстом, суд 91 год спустя.

В одном из первых своих очерков "Убийство Урицкого" Алданов с восхищением писал о герое-бунгаре, убившем видного комиссара: "По разным причинам я не ставлю себе задачей характеристику Леонида Каннегисера. Эта тема могла бы соблазнить большого художника; возможно, что для нее когда-нибудь найдется Достоевский. Достоевскому принадлежит по праву и тот город, в котором жил и погиб Каннегисер, страшный Петербург десятых годов" [3, т. VI, с. 487]. Один из важных моментов очерка - в характеристике поступков персонажа Алданов использует наблюдения "сердцевода" Достоевского. Он объясняет читателю, зачем накануне убийства Каннегисер звонил Урицкому: "...Ему психологически было необходимо это страшное ощущение. Зачем Раскольников после убийства ходил *слушать* звонок к квартире Алены Ивановны?" [3, т. VI, с. 510]. Затем Алданов пишет и о состоянии перед самим убийством: "Его ощущения в те минуты мог бы передать Достоевский, столь им любимый..." [3, т. VI, с. 512].

Сюжетная ситуация, связанная с преступлением Раскольникова, на долгие годы станет предисторией многих сюжетов и высказываний Алданова. Ему на веку выпало видеть не просто множество христиан, убивающих себе подобных, но именно современников, вернувшихся к средневековым нравам хладнокровных профессиональных убийц.

В очерке 1930 г. "Азеф" Алданов, используя аналогию с ситуацией персонажей Достоевского, пытается расцветить характер личности своего героя. Он описывает смелый поступок Азефа, поступок, который, по Достоевскому, часто делают убийцы - посещают место преступления, чтобы получить дополнительные острые переживания: "Он сделал то, что должен был бы сделать по Достоевскому: Азеф пришел к Бурцеву в гости, якобы по делу. Сцена поистине поразительная: Бурцев знал, что Азеф - предатель, Азеф знал, что Бурцев это знает. Пожалуй, у Достоевского такой сцены не найти. Пошел Азеф, вероятно, на разведку. А, может быть, и "для ощущений". Ощущений у него в жизни было вполне достаточно. Но такого, вероятно, не было" [3, т. VI, с. 460]. В "Картинах октябрьской революции" [5, с. 180] Алданов напишет об убийцах Шингарева и Кокошкина и о характере их разговоров после расследования: "Общий тон их вообще был очень шуточный - совсем не по Раскольникову".

Наиболее полноценно сюжет о нераскрытом петербургском преступлении воплотился в трилогии "Ключ - Бегство - Пещера", но здесь первостепенное значение обрела не психология убийцы или его философия, а иллюзия убийства, иллюзия его раскрытия. Потому и пара персонажей, напоминающая своим общением Раскольникова и Порфирия - Браун и Федосьев, - по сути дает существенное отвлечение от текста Достоевского. Если оставить в стороне детективный сюжет, то читателю придется обратить внимание на особенности характера главного героя. Александр Браун, в прошлом социалист, европеизированный человек, развитая личность, таит в себе тайны свидригайловского типа. Он хочет помочь России, помочь окружающим, но производит на всех обманчивое впечатление. Если младший Яценко еще видит в нем бескорыстного

труженика, борца за благо родины, то Федосьев - убийцу, Муся Кременецкая - демонического любовника, вожделенное счастье, а все прочие - сумасшедшего. При всем благородстве своей натуры, Браун не в состоянии стать частью общества, частью народа. Он слишком умен, слишком эгоцентричен, устает от людей и от себя. Именно о таких личностях писал В. Ерофеев: "Активизация личностного начала создает условия для нарушения гуманистических норм... Любовь к человечеству - это дань родовому инстинкту, это своеобразный категорический императив обезбоженного сознания... развитая личность охотно свидетельствует о своей любви к человечеству, однако не выносит реального соприкосновения с людьми" [11, с. 68-69]. Так и "стремления Раскольникова фокусируются в определенном желании сделаться "благодетелем человечества" - желании одновременно често- и человеколюбивом. Мирное сожительство таких разнородных принципов в душе европейской личности - явление распространенное, но далеко не всегда ею осознанное. Преступление уничтожило это сожительство" [10, с. 64]. Европейская фамилия Брауна - русского человека - подчеркивает этот европеизм, подсказывает возможность такого совмещения. Но Алданов, взвешивая на весах родовую общность и ярких личностей, естественно, получает результат не в пользу последних. Желание быть свободным, независимым от людей и веры, импонирует писателю в большей мере. И слабости Раскольникова, который не в состоянии выдержать муки одиночества, Алданов противопоставил бы достойный уход пресытившегося жизнью и уставшего от своей личности Свидригайлова. По мысли Достоевского, "не получая необходимых соков от жизнетворной идеи бессмертия души, гуманизм стремится к своему распаду" [10, с. 59]. Очень похожей на это стремление к распаду выглядит жизнь атеиста Брауна.

В других текстах 1920-1930-х годов Алданов обращается к этой теме как бы вскользь. В очерке "Жозефина Богарне и ее гадалка" он так цитирует Достоевского: ""Нет, те люди не так сделаны; настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон... Нет, на этих людях, видно, не тело, а бронза!..". "Все, что перечислено в этих знаменитых строках "Преступления и наказания", действительно было в жизни Наполеона" [4, I, с. 110].

"Начало конца" - роман, в котором одна из сюжетных линий впервые связана с историей героя типа Раскольникова. В этом романе цитат из Достоевского едва ли не больше, чем во всей трилогии "Ключ - Бегство - Пещера". А история преступления Альвера должна восприниматься именно как составная часть присутствующего здесь текста Достоевского.

Еще в статье 1930 года "Из записной тетради" Алданов "сделал ряд нравственных упреков в адрес романа "Преступление и наказание"... Особенно подробно он критиковал изображение наказания - каторгу, эпилог. Достоевский лучше, чем кто-либо другой из классиков знал, что такое каторга. Описать ее по-настоящему значило бы вызвать безнадежную путаницу во всем замысле романа, наказание тоже стало бы преступлением, и от идеи очищения страданием осталось бы, вероятно, немного..." [4, IV, с. 11]. А.А. Чернышев говорит, что в этом романе "ситуацию "Преступления и наказания" Алданов переносит во Францию 1930-х годов и обнаруживает, что замыслившего убийство в целях ограбления юношу-анархиста не могут терзать ни духовные, ни нравственные проблемы, что для него лишиться другого человека жизни, не оставив улики, - лишь интересная техническая задачка, способ самоутвердиться... Достоевский наделил преступника богатым духовным миром, чувствительностью, Алданов смотрит на своего Альвера трезво и презрительно" [4, IV, с. 11]. А революционер Вислиценус, перечитывающий в зарубежной командировке Достоевского, вообще многие образы и саму личность Достоевского воспринимает цинично: "Он - враг, и к черту его! Ведь нас он именно "собственными руками задушил бы"... Гениальный романист? Ну, и издавали бы «Преступление и наказание»..." [4, IV, с. 26]

Заметим, что внутренние монологи главного преступника в этом романе - молодого человека Альвера - передаются от первого лица. И в этой речи читатель слышит не только озлобленные выпады против многих людей, но и акцентированные (кстати, выделенные в тексте курсивом) местоимения "они", "их". - Фразы, с одной стороны, передающие, отчуждение от мира "сытых", ненавидимого Альвера, с другой стороны, показывающие, как характером своей ненависти он близок к Вислиценусу, ведь под *ними* он понимает всё человечество.

Нужно принять во внимание и то, что читателю, даже при наличии внутренних монологов этого персонажа, не ясно, какова истинная природа и целесообразность замышляемого убийства. Мы знакомимся с Альвера только тогда, когда он уже делает первые шаги к убийству - проверяет в работе купленный револьвер. Мы знаем, что перед убийством он читал "Преступление и наказание": "Томик Достоевского значился под номером 196" [4, IV, с. 106]. Мы знаем, что для упражнения в стрельбе вырвал страницу из этого романа - эпизод признания Раскольникова: "На полях у этих строк было написано: "Un fameux cretin, celui-la"" [4, IV, с. 96]. Но мы не понимаем основу его мыслей: "Хорошо было бы для опыта застрелить собаку. Ощущение должно быть, в сущности, почти такое же, и главное отличие относится на счет страха гильотины. Убить человека очень просто: при некоторой привычке убивать можно так, как мясник убивает вола, без дешевеньких рассуждений, без Наполеона, без чьих-то открытий. У средневековых головорезов была такая привычка, и они отлично обходились без всякой философии" [4, IV, с. 99]. Альвера, с одной стороны, уверен в необходимости убийства. С другой стороны, в его словах раздвоенность: он старается остаться вне подозрений и в то же время проигрывает свою роль на суде, на месте казни. Так, из монологов нам известно, что на возможном суде Альвера собирается предстать в роли "морального идиота" [4, IV, с. 100]. И если в своей фантазии он предполагал возможность убийства писателя Вермандуа, то отпугнула его только очевидность подозрений: "Я единственный бедный человек, бывающий в его доме...". Более того, чтобы рассеять подозрения, он подумывает даже купить дом своей жертвы и поселиться в нем: "Какой же убийца купит дом, где "где его будет посещать кровавый призрак?"... А Вермандуа, если он навестит меня в тюрьме, я скажу, что убил назло Достоевскому". Но также Альвера подумывает и об эффекте убийства: рассчитывает, что известный писатель вставит в свой новый роман сентенцию, что "романы великого славянского моралиста только способствуют развитию преступности среди этих несчастных детей!" [4, IV, с. 103].

Накануне убийства Альвера убеждает себя: "Способы уличения преступников сводились, как ему было известно, к сознанию, к свидетельским показаниям, к прямым и косвенным уликам. "О сознании речи нет - пусть сознается кретин Достоевского" [4, IV, с. 146]. Он еще раз тщательно продумал, как избежать свидетельских показаний, отпечатков пальцев и прочих улик и даже "подумал о высшем торжестве воли и духа", если бы в тот же день смог продолжить работу над своим трудом "Энергетическое миропонимание". После самого убийства "Альвера не чувствовал ни раскаяния, ни ужаса. Как он и думал, все оказалось вздором: особенно эти *ими* выдуманнные *угрызения совести*" [4, IV, с. 170]. Но весь его план рушится. Оказавшись в тюрьме, изувеченный Альвера "вел себя именно так, как решил прежде, считаясь с возможностью неудачи: тогда решено было - в случае провала изображать *гордую усмешку*, он ее и изображал, больше, впрочем, именно по воспоминаниям... Изредка сочинял план защитительной речи: собирался сказать им всю правду" [4, IV, с. 236]. Неожиданным для Альвера оказывается то, что он лишается физических сил, необходимых для сохранения своего превосходства над окружающими. Еще большей неожиданностью стало предложение адвоката назваться безумным, чтобы спасти жизнь, в этом случае никакой правды на суде не высказать, ни какого вызова и бунта не обозначить - все напрасно.

Отметим то, чего не мог ожидать Альвера, что он не вычитал у Достоевского. А именно Достоевский объяснял причины наказания Раскольникова, проще всего это высказано в письмах: "Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он - кончает тем, что *принужден* сам на себя донести... примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединения с человечеством, которое он ощутил... замучило его" [8, с. 137]. Замучило и алдановского убийцу. Вообще получается, что рядовые западные читатели прочитывают только поверхностный слой, им невдомек все сложности ощущений русского преступника. Именно поэтому на Западе более известен Раскольников как образ человека, задумавшего идеальное преступление. А что до возможностей разъединения и соединения с человечеством - это остается невосприимчивым.

Для Альвера также неожиданным становится не проклятье, а помощь, которую ему совершенно бескорыстно оказывает Вермандуа. В нем много доброго, человеческого, хотя литературный вкус заставляет быть строгим и придирчивым. Он говорит адвокату Серизье: "А что до Раскольникова, то вы непременно перечтите этот шедевр: там в большом городе, в столице все друг друга знают и постоянно друг с другом встречаются: этот Сви.. Сви... - как его? - по случайной случайности живет рядом с той ангелоподобной проституткой и, естественно, подслушивает исповедь благородного убийцы ангелоподобной проститутке" [4, IV, с. 231]. Вермандуа с иронией отмечает искусственность композиции образов Достоевского, его ужасный французский язык и презрение, ненависть ко всем народам, кроме русского. В своей оценке он суров: "... не люблю этого человека, хоть восхищаюсь великим писателем. Нет, нет, сцена убийства изумительна, перечтите "Преступление и наказание", непременно перечтите перед процессом. Хотя на Раскольникове, кажется, выезжает третье поколение адвокатов?.." [4, IV, с. 232].

Конечно, не случайно, что один из любимых персонажей Алданова, Вермандуа, при всей нелюбви к человеку Достоевскому и утверждению, что он "чужд христианским настроениям", проявил поистине христианское человеколюбие к Альвера. Это выразилось в разных поступках, от пересылки денег и помощи с адвокатом, до высоких слов, "исполненных человечности", на суде. Писатель, ослепленный желанием сделать добро, даже не мог помыслить, что защищаемый им молодой человек легко мог стать его же убийцей. Кстати, именно в речи на суде Вермандуа, с известными "коммунистическими симпатиями", попытался объяснить, что изменилось в психологической атмосфере после Первой мировой войны, за четыре года которой "люди привыкли к мысли, что убить человека очень просто" [4, IV, с. 287]. Он в меру своих возможностей хотел помочь в деле спасения Альвера.

Автор нескольких развернутых публикаций на тему "Алданов и Достоевский", Ж. Тассис пытается выяснить, почему "всем другим романам Достоевского Алданов предпочитал именно "Преступление и наказание". Исследователь, отвечая на вопрос, зачем Алданов занимался "тематической транспозицией" и сочинял "гипертексты" на основании этого романа, утверждает: "Потому, что философия, иллюстрированная в этом романе, его не только не убеждала, но и раздражала" [15, с. 152]. Тассис ссылается на статью "Черный бриллиант", где Алданов, как бы допускает, что было бы, изобрази Достоевский каторгу: "Тогда "Преступление и наказание" по моральной тенденции должно было бы приблизиться к "Воскресению" Толстого. Но это вызвало бы совершенную путаницу во всем замысле романа и, вероятно, в душе его автора. Философская идея очищения страданием, одна из самых искусственных и злополучных мыслей Достоевского, своевременно пришла ему на помощь, - дала возможность как-то отвязаться от проблемы Раскольникова" [15, с. 157]. Но швейцарский ученый, как нам кажется, недооценивает реакцию Алданова. Он пишет: "... Идея очищения страданием очень раздражала Алданова, который иногда был склонен сводить к ней всю философию Достоевского...". Со слов Тассис, "Алданов как-то упрощает моральное развитие Раскольникова и полагает, что к раскаянию приведет его страдание на каторге" [15, с. 152-153]. Однако реальными текстами Алданова, цитатами из его речей это не подтверждается.

По мнению швейцарского исследователя, в "Начале конца" Алданов "прямо создает свой вариант Раскольникова, чтобы показать всю нелепость поведения убийцы в романе Достоевского" и "придает своему тексту метатекстуальную функцию" [15, с. 154]. Но нас беспокоит вопрос, зачем Алданову мог понадобиться двойник Раскольникова и неужели им могла двигать только мотивация "метатекстуальной функции"? Если учесть контекст романа, ощущение состояния на краю пропасти, наполненность атмосферы ненавистью, то должно стать понятно, что вариант современного Раскольникова представлен не для того, чтобы играть в литературные игры с Достоевским. А для того, чтобы признать туиковость развития европейской цивилизации, которая выращивает убийц, подобных Соколовичу и Альвера.

Тассис совершенно справедливо различает дистанцию между Альвера и его автором: "Алданов не верит в идею, развитую в статье молодого человека...", но другие его суждения более чем спорны. "Алданов считал, что Достоевский зря защищал своего героя"; главная

задача Алданова "заключается в том, чтобы обесценить персонажа-убийцу, лишить его каких-либо положительных черт, какой-либо привлекательности... Алданов приложил все усилия для того, чтобы принизить Альвера и исключить какое-либо проявление жалости к нему со стороны читателя. Он сознательно и последовательно рисует портрет подлого и отталкивающего убийцы... отличается от Раскольникова тем, что никогда не испытывает ни малейшего угрызения совести" [15, с. 155, 156]. В финале своей работы Тассис полагает, что Алданов "крайне упростил, сделал схематичным персонаж Раскольникова. Он стер все его сомнения, вопросы, сократил его рассуждения, лишил его трагизма. Сложному Раскольникову он противопоставляет упрощенного, неглубокого и отталкивающего Альвера. Но его комментарий к "Преступлению и наказанию" отлично выражает амбивалентность отношения эмигрантского писателя к творчеству великого писателя XIX века" [15, с. 158]. Однако в этом выводе нет понимания образа Альвера с учетом контекста романа и всего творчества Алданова. Вопросы возникают уже у нас. Почему Алданов должен сердиться на Достоевского за желание помочь Раскольникову? И зачем ему столько старания в обрисовке образа второстепенного отрицательного героя? Не желая приукрашивать отношение Алданова к Достоевскому, попытаемся дополнить существующие анализы.

Обращение Алданова к Достоевскому не прекратилось даже после Второй мировой войны. Более того, в послевоенном романе Алданов впервые создает образ самого Достоевского. В. А. Туниманов полагает, что Алданов "выведя писателя персонажем романа "Истоки", после неудачи с биографией Достоевского "отчасти взял реванш" [16, с. 239]. Образ Достоевского в этом романе сформирован знанием фактов биографии писателя и алдановским вымыслом. Что любопытно, в сценах с Достоевским опять проявляется сюжет "Преступления...". Приват-доцент Черняков оказался под сильным влиянием "гипнотизера", "сердцеведа", "знатока человеческой души в ее взлетах и падениях". До встречи в доме Достоевского он мог назвать писателя "мастером сочинять", у которого "непрерывно: люди говорят о божественном и подслушивают у чужих дверей" и который может потребовать сжечь сто тысяч. Во время встречи Черняков удивляется необычному характеру хозяина дома - странности мыслей и общения. Достоевский вспоминает даже "Преступление и наказание" и не без гордости рассказывает о сцене убийства: "Помните, как он там стоит и ждет, а? У-у, как написано! - Он вдруг затрясся. - Я, когда писал, то и сам мог убить! Пускай немец так напишет, а? Да и сам граф Лев, он ведь только своих графов и знает, а зачем же граф Спиридон таким неблагородным манером кокнет по голове старуху-процентщицу?". Он показывает себя настоящим пророком, обещая страшную революцию и даже одну из первых ее жертв - отмену буквы ять... В течение нескольких лет после встречи "смысл слов Достоевского вспоминался Чернякову не вполне ясно. Ему запомнились слова, что все кончится антропофагией, что свобода перейдет в рабство, а социализм станет страшным, кровавым, и вместе пошлым адом. Михаилу Яковлевичу как будто ясно помнилось, что это связывалось Достоевским с исчезновением христианства в мире". Но концовка разговора запомнилась четко: Достоевский посоветовал "пойти в каторжные работы", так как и сам, побывав в аду, нашел там Христа: "И вам от души желаю поскорее попасть в каторжные работы. Вы вернетесь и перерожденным, и счастливым, и многое понимающим человеком". Если соотносить романские события с хронологией жизни Достоевского, то разговор Чернякова и Достоевского мог состояться не ранее 30 апреля и не позднее 15 мая 1878 г., так как именно в это время проявилась болезнь, а затем наступила смерть Алеши [12, с. 273]. Алданов словно специально отправил своего героя к Достоевскому в один из самых трудных периодов его жизни.

Интерес к сюжету Достоевского не исчезает даже в последних текстах Алданова. В романе "Самоубийство" он заставляет исторического деятеля соотносить свое отношение к свободе с сюжетом Достоевского. Так, читателю представлен внутренний монолог Муссолини: "Свобода может быть только у больших людей, желающих прожить свою жизнь как следует. А это надо делать умеючи и осторожно, иначе сорвешься в самом начале и отправят в тюрьму или в каторжные работы, как того убийцу в русском романе. Он по глупости убил старушку для каких-то сотен лир. Да и этого он не сумел как следует сделать" [3, VI, 47].

Если "путь русского интеллигента в произведениях Чехова - от тоски по "общей идее" к сознанию ее ненужности и бесполезности для человека, от одержимости" [13, с. 73], то Алданов в своих книгах борется с идеологической одержимостью людей "типа героев Достоевского". И вместе с тем персонажи Алданова, пораженные мыслью о "бессмыслице сущего" [10, с. 54], о преобладании случайного в жизни, часто оказываются противниками как нравственных постулатов Достоевского, так и религиозных ценностей.

Религиозное сознание Достоевского имеет христианскую основу, идеал нравственности, связанный с Христом, с верой и в меньшей степени - с рациональным постижением. Нравственность алдановского сознания определяется внерелигиозными принципами, определенными в большей степени опытом, осмыслением истории, соотношением фактов прошлого с наблюдением фактов настоящего. Герой Достоевского (например, самоубийца из "Дневника писателя") легко признает существование бессмертия, всех должна убедить формула: "если бессмертие необходимо для бытия человеческого, то оно существует несомненно" [10, с. 55]. Но герой алдановской тетралогии Ламор и персонаж тетралогии Браун воспримут такое суждение как свидетельство простодушия: в нем нет критической осмысленности. По Достоевскому, бытие получает смысл только тогда, когда есть бессмертие. Отринув идею бессмертия, остается признать беспорядочность, хаотичность, отсутствие предопределенности жизни, а, следовательно, согласиться с ее бессмысленностью, ибо окончится она падением в пропасть, смертью. Неужели умные герои Алданова не видят, не чувствуют этого страшного исхода? Неужели им есть что противопоставить идее бессмертия? Как порядочному человеку, не пришедшему к вере или утратившему ее, остаться человеколюбивым без религиозной основы? Как, что еще более важно, остаться жизнерадостным? Конечно, это не риторические вопросы. Видят и чувствуют, мучаются этим. У самого Алданова, как явствует из внелитературной материи - воспоминаний, переписки, записей бесед - четко ответить не получилось. Не случайно в жизни он был очень спокойным, но создавал впечатление грустного скептика. И конечно, предложение алдановских одиночек - сохранять человеческое достоинство и следовать принципу человеколюбия - без религиозной идеи, без веры, объединяющей многих, не может быть воспринято как гуманная замена предложений Достоевского [9, с. 264].

Алданов, как и Достоевский, пытается найти в самом человеке силы, которые бы могли уберечь его от катастрофы. По Достоевскому, надо прорвать кокон европейской личности, чтобы проявить ее высшее развитие. Однако сознательное самопожертвование всего себя в пользу всех, которое предлагает Достоевский, у Алданова свойственно только некоторым женским персонажам (Кременецкая в трилогии, Ласточкина в "Самоубийстве"), тогда как персонажи мужчины, желая сохранить достоинство своей личности, добровольно уходят из жизни. И это одна из трагичных страшных патологий человечества, которая не прекращается даже в новом столетии.

Подводя итоги, не можем быть строго категоричны.

Вероятно, причиной отказа Алданова написать книгу о Достоевском могло стать понимание того, что в современной жизни не найти применения вневременных идей "сердцевода", что невозможно писать об этом и оставаться объективным. Не разделяя христианские принципы Достоевского, Алданов видел искусственность многих ситуаций, над разрешением которых бился Достоевский-политик и общественный деятель, и к тому же сомневался в перспективе идей религиозной природы. Отметим, что при всем многолетнем интересе Алданова к жизни и творчеству Достоевского какой-либо "эволюции", изменения отношения не наблюдается. Более того, в конце жизни Алданов еще раз откажется от прямого выражения мнения о Достоевском. В январе 1956 г. Д.Н. Гольдштейн предложил Алданову участвовать в радиопередаче "Как я понимаю значение Достоевского" [7]. Предложение было очень почетным, в списке участвующих уже значились М. Слоним, П. Сорокин, М. Карпович, передача должна была выйти в эфир 9 февраля. Однако Алданов не одобрил предложенную форму выступления и ответил уклончиво: "Если хотите, могу Вам предложить следующее. Достоевский выведен в моем романе "Истоки", том 1, страницы 253-278. Разумеется, это слишком длинно для передачи на радио. Но Вы там, надеюсь, легко найдете очень небольшой отрывок, подходящий для передачи по своей длине ..."

[6]. Тем самым Алданов отказался выступить как литературный критик, сориентировав журналистов только на свой художественный текст.

Как уже отмечалось, отношение Алданова к Достоевскому сохранило некоторую предопределенность, тенденцию. С годами у Алданова меняется только способ выражения этого отношения: от непосредственного в дневниковых и путевых записках до исключительно художественного. И все же надо быть справедливыми: творчество Алданова содержит уточнения и дополнения - конечно, не сюжетов и образов Достоевского, а его морали. Автор "Начала конца" писал об ответственности людей за общее горе и о том, что негативные поступки одной личности гораздо быстрее приводят к трагическим деяниям многих, доводят до катастрофы человеческое бытие.

Литература

1. Алданов М. А. [Письмо к И.А. Бунину от 28 августа 1929 г.] // Новый журнал. 1965. № 8. С. 156-158.
2. Алданов М. А. Черный бриллиант (О Достоевском) // Наше наследие. 1989. № 7.
3. Алданов М.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1991.
4. Алданов М.А. Собрание сочинений: В 6 кн. М., 1991-1996.
5. Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2006.
6. Алданов М. А. [Письмо Д. Н. Гольштейну о радиовыступлении к 75 летней годовщине Ф.М. Достоевского]. Машинопись с авторской правкой, 26 янв. 1956 г. ДМЦ. АРЗ. Фонд М. А. Алданова. Оп. 2. Ед. хр. 199. Кп-748/2. Л. 1.
7. Гольштейн Д. Н. [Письмо М. А. Алданову с предложением участвовать в передаче радиостанции "Освобождение" "Как я понимаю значение Достоевского"]. ДМЦ. АРЗ. Фонд М. А. Алданова. Оп. 2. Ед. хр. 198. Кп-748/1. Машинопись, 24 янв. 1956 г. Л. 1.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2.
9. Достоевский Ф. М. <Записная тетрадь 1876-1877 гт.> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1982. Т. 24.
10. Ерофеев В. В. Вера и гуманизм Достоевского // Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов: Эссе // Виктор Ерофеев. М., 1996. С. 49-75.
11. Ерофеев В. Найти в Достоевском человека // Найти в человеке человека: Достоевский и экзистенциализм. М., 2003. С. 17-99.
12. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821-1881. СПб., 1995. Т. 3: 1875-1881.
13. Созина Е. К. Текст Достоевского в литературе чеховской "артели" восьмидесятников // Традиции в контексте русской литературы: Сборник статей и материалов. Череповец, 1997. С. 70-77.
14. Тассис Ж. Достоевский глазами Алданова // Достоевский и XX век / Под ред. Т. А. Касаткиной. В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 382-405.
15. Тассис Ж. Роман "Преступление и наказание" в двух романах М.А. Алданова // Достоевский и русское зарубежье XX века / Ред.: Ж.-Ф. Жакар, У. Шмид. СПб., 2008. С. 147-158.
16. Туниманов В. А. Достоевский в художественных произведениях и публицистике М. А. Алданова / Туниманов В. А. Достоевский и русские писатели. СПб., 2004. С. 236-271.
17. Чернышев А. А. Алданов в 1930-е годы // Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 кн. М., 1995. Кн. 4. С. 5-17.